

- 6 июля 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

5

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

Июн ДРУЦЭ

О Т Ч И Й Д О М

НЕСМОТРЯ на свой сравнительно молодой возраст, Имант Зиедонис — народный поэт. Он народен не только в смысле глубины и красочности своего дарования — он народен по самой своей сути.

О Зиедонисе часто говорят, что он баловень судьбы, но ведь в самом понятии «поэт» заключено и нечто от избранничества. Популярность Зиедониса в Латвии чрезвычайна. Одно его появление способно вызвать чувство восторга в любом уголке республики. Его узнают по походке, по огромной седой шевелюре, по острой саркастической речи. Его шумно приветствуют, просят надписать книгу, доискиваются до каких-то подробностей, содержащихся в его стихах, в прозе, драматургических произведениях, короче говоря, у каждого латыша есть какие-то свои дела с Зиедонисом.

Вот, между прочим, интересная тема для исследования — что дарят поклонники своим кумирам. Дарят цветы. Дарят пышные адреса в пышных папках. Дарят сувениры — и самодельные, отечественного производства, и заморские. Зиедонису в основном достается хлеб. Не знаю, как и почему, но при одном упоминании имени Зиедониса руки латышек берут хлеб, и вот — огромные, свежей выпечки караваи, пшеничные и ржаные, с тмином и без тмина, печенные в формах и прямо на горячем кирпиче.

И в рижской квартире поэта, да и в летнем домике под Ригой я видел множество этих огромных, по деревенски милых, неповоротливых, добротных хлебов, но это не было декорацией дома. Это было его сущностью. Садясь с гостями за стол, Зиедонис ставит в центре стола последний, только что прибывший каравай, и трапеза в его доме начинается не с цветистых тостов и искрящихся

бокалов, а со съедания этого смуглого, усталого, северного хлеба. И ест этот хлеб Зиедонис не казенно, вынужденно, отдавая кому-то дань, а ест медленно, вкусно, одухотворенно, как едят пахари в недолгий час обеда, и по всему видно, что это и есть его хлеб насущный....

Зиедонис вышел из народа, из его языковой и фольклорной стихии. Он любит народную песню и цитирует ее при каждом удобном случае. В «Курземите», книге путешествий по родному краю, приводятся многие строчки прекрасных народных песен.

Хлебопашество, несомненно, одно из самых древних и достойных занятий человека, дошедшее до нас и сохранившее свою изначальную незыблемость в полном объеме. Размол зерен и выпечка хлеба, несомненно, одно из самых величайших открытий гения человеческого. Хлеб незаменим в нашей жизни сегодня так же, как и много тысяч лет тому назад, и под его румяной коркой по-прежнему скрываются не только необходимые для нашего существования калории, но и наше умение, наша доброта, наше восприятие мира.

Еще совсем недавно, на нашей еще памяти, хлебопекущие края были покрыты густой сетью мельниц. Под жерновами ветряных, водяных и всяких иных мельниц день и ночь мололи зерна, и в сельских домах, как правило, в конце недели благоухал запах свежесвеженного хлеба. Этот хлеб с первой минуты появления становился символом достатка, красоты и смысла всего дома. Вспоминая своих матерей,

мы, разумеется, вспоминаем не только их человеческие черты, но и их труд, их доброту, и, конечно же, выпеченные ими караваи.

Сегодня под старыми глубокими небесами стоит уже совсем иной мир. Сегодня у наших женщин и так достаточно забот, чтобы возложить на них еще и выпечку хлеба. Сегодня день и ночь дымят хлебозаводы, их разнообразную продукцию можно встретить в самых дальних уголках. Но, механизировав тяжелый домашний труд, мы не можем отказаться от нравственной и воспитательной значимости того или иного явления нашего быта. Нам не безразлично, чем и как запомнят сегодняшние сыновья своих матерей. Ощущение теплоты и света должно сопутствовать каждому дому.

И снова мы возвращаемся к вопросу о малой родине, к тому клочку земли, который не только хлебом, но и духом своим питал нас. Иммант Зиедонис родом из Курземы. Эту землю он ласково, уменьшительно называет Курземите. Будучи уже писателем с именем, автором широко известных сборников стихов «Песок земли и мечты», «Динамик сердца», «Мотоцикл», он вдруг оставляет возделанное им поле и возвращается в Курзему. Причем на этот раз решает чуть ли не пешком исходить свою малую родину, потому что, как там ни говорят, оптика нашего зрения мало приспособлена к высоким скоростям. Из поезда или из автомобиля легко можно проглядеть то, ради чего пустился в путь. Не говоря уже о том, что автомобиль при

самой высокой развитости автодорог все-таки предполагает определенный маршрут, а интуиция художника нет-нет да и рванет по бездорожью, и тут приходится выбирать одно из двух — либо творчество, либо удобства.

«Болота на берегу большого озера. Посреди одного из болот что-то вроде дюны или пригорка. На этом зеленом холме живет старик и пасет коров. Дороги сюда нет. За молоком, по вересковым кочкам, приезжает трактор — порычит, попыхтит, уедет, и опять тишина полей, липы да вереск на болоте. Старик еще помнит о семи домах, стоявших некогда на этом месте. Что стало с ними? Куда разбежались люди? Старик уже много лет, он многое пережил, и вдруг я подумал: «Что если в один прекрасный день окажется, что и старика больше нет? Не уйдет ли с ним частица памяти, частица навыков, частица мудрости моего народа?»

Перо Имманта Зиедониса оживает, волнуется, заражает нас энергией всегда, когда художник обнаруживает корни, питающие духовное начало своего народа. В самом деле, не могут же человеческие функции старика истощаться его хозяйственной деятельностью. Не только трактор с бидонами молока может уходить груженный по вересковым кочкам. Исполнявшая человеческая судьба заключает в себя зерно народного опыта, и, кто знает, может, в том зерне как раз и заложены те человеческие качества, без которых не может быть преемственности поколений.

В поисках истоков, в поисках корней Зиедонис опускается в самые неведомые глубины, куда одна только художественная интуиция и может завести. География художественных и гражданских интересов Зиедониса воистину ошеломляющая. Рядом со стихами о первой любви у него идут заботы о высвобождении зеленых великанов от наплыва кустарников и мелкокося: составление азбуки поэтических начал для дошкольников у него чередуется с коллекционированием древних каменных жерновов, и весь его двор под Ригой может вам наглядно рассказать, чем мололи зерна латыши с начала всех начал.

И все это так, между прочим, потому что главное в жизни Зиедониса — это его непосредственная связь с народом. Многие считают, что путешествие поэта по своему родному краю есть легкая прогулка с целью подтверждения своей художественной репутации и увеличения числа поклонниц. Прочтите «Курземите», и вы поймете, какой это тяжелый и ответственный труд — посещение поэтом его малой родины. Поиск истины и сути вещей не прекращается ни на минуту. Даже в пейзажных зарисовках проступают главные мотивы творчества Зиедониса, то, что принято называть проблемами нравственности.

«По краям дорожки, которая вела к дому, росли две липы. Две огромные, вознесшиеся к небу липы. Под такими бы липами давать имена детям и награждать пахарей «Почетными грамотами». Если бы под такими липами заключались браки и нужно было бы говорить только

твердое «да», то, может быть, многие вместо сомнительного «да» говорили бы правдивое «нет».

И снова мы возвращаемся к семье, к той крошечной ячейке, которая при всей своей скромности заключает в себе несущие конструкции общества.

Долго и пристально всматривается Зиедонис в быт сельской семьи с тем, чтобы понять ее параметры, ее топографию, ее микроструктуру. Он рассказывает в книге очерков и о том, как ранними утрами поют молодые петухи, состязаясь в пении со старшими, и эти песни молодых петухов, по наблюдениям поэта, очень похожи на прыжки с шестом. Молодые петушки «...отталкиваются и всегда пролетают под планкой. И никогда не устанавливают они планку соответственно своим силам, нет, они прыгают наравне с большими петухами и — айда! — опять пролетают под планкой. А потом идут к курам и рассказывают, что опять принимали участие в состязании. Именно так и говорят — принимали участие...»

Нет, при всей модернизации, при всей технической оснащенности человек, думающий мне, навсегда останется привязан к пашне, к морю, к горам, к той среде, которая породила и сформировала его на протяжении веков. И пусть вокруг наших домов цветет в летнюю пору картофель, пусть ранними утрами состязаются петухи, пусть наши дома никогда не покинет запах свежесвеженного, настоящего хлеба. Об этом пишет Зиедонис. На этом он стоит.